

Спасибо, Башлачёв

Александр Башлачев

I-V, VII

Отделение Выход

Он родился в 1960 году; количество написанных им песен вертится около 60, количество сохранившихся в записи концертов – около того же числа. В антологии не хватает CD №6 – по техническим причинам его выпуск отложен. Палата, куда однажды поместил себя Башлачев, носит № 6. Закономерность, подарок для нумерологов. Закономерно все, кроме смерти.

Естественный вопрос – почему не издать все найденные записи, как выпускают ныне полную антологию концертов Высоцкого? Почему из многих выступлений надерганы лишь две-три песни? Ответ составителей, честно признающихся в субъективном желании издать наиболее интересные варианты, вызывает все же недоумение и бессильное раздражение. Хочется всего. Всех вариантов, браков, повторов – ну и пусть забыл половину текста в «Палате», ну и все равно, что при первом исполнении «Подвига Разведчика» путается в незатверженных еще словах. Хочется разговоров между песнями. Если не видеть, так хоть слышать от начала до конца. Дико завидуешь тем, кто присутствовал – завистью подглядывшего ненароком чужое счастье. А с завистью соседствует неловкость нечаянного присутствия при чем-то интимном, не предназначенном для посторонних глаз и ушей – потребность выключить, закрыть глаза, заткнуть уши. Нельзя заниматься любовью на площади. Нельзя так раскрываться, обнажаться, выворачивать душу перед чужими. Хотя – и это важно – чужих не было на Башлачевских концертах, даже не потому, что они в основном проходили не в залах, а на квартирах друзей. «Я всех люблю, даже тех, кого ненавижу», а любимые чужими быть не могут. Любимым отдаешь всего себя, до капельки. Вопрос – возьмут ли?

Дело, наверное, даже не в том, что не всякое издательство может себе позволить издать антологию из 60 CD (или хотя бы кассет). Нужно ли это стране, не горсточке почитателей? Кажется, что нет. Страна поникла под грузом ежедневных проблем, страна хочет расслабиться и забыть, страна млеет от Киркорова и Ди Каприо, не имея ни сил, ни желания вслушаться в хрипловатый голос того, кто, по выражению одного усталого журналиста, «грузит их своим сложным внутренним миром». И память – источник беспокойства, повод для нелестных сравнений, поэтому ее лучше отсечь. Девушка из Омска пишет: «Кто такая Янка Дягилева?» Юноша из Белгорода поучает: «Я хочу узнавать новое, а не пережевывать давно известные факты из жизни сомнительных рок-звезд». Баш был реалистом, и хотя вряд ли ему бы понравилось нынешнее время, когда его песни нужны по-прежнему очень немногим, говорил: «Едва ли я могу изменить их своими песнями, я отдаю себе в этом отчет. Но ничто не проходит бесследно». Интенсивность и сила чувств – откровение лишь для некоторых, остальных это лишь отталкивает и пугает. Не только несколько концертов подряд, каждую песню нужно слушать отдельно – такой это огромный поток слов, мыслей, образов, чувств. И после любой, даже самой простецкой, шутевой песенки уже невозможно считать явлением культуры строчки типа «кот кота ниже живота...» Душа не принимает, хотя тело может бездумно двигаться в такт. Планка, заданная Башлачевым, настолько высока, что многие просто не в состоянии ее разглядеть – или не хотят выворачивать шеи, глядя вверх. И труд души (не на производстве кирпича) подменяется движениями попой. Где-то в идеальном мире творчество Башлачева стало бы той взрывной пружиной, что взметнула бы всю рок-культуру на качественно новый смысловой и языковой уровень. Но потянулись за ним считанные единицы, и неостребованность его, прежде всего, в этом, а не в отсутствии больших концертных площадок и прочей атрибутики «успешного» артиста. «Люди

мечутся в десятках вариантов сложнейшего вопроса «как?», лишь бы убежать от вопроса «зачем?» Каждая проповедь хороша, лишь когда она исповедь». И невозможность для многих этой исповедальности, естественной и разрушительной, невозможность прожить, оправдать жизнью любую свою песню – не злонамеренность, не бесталанность, но всего лишь слабость и леность души. Любить безоглядно – всех или кого-то одного – тоже труд, тяжелый и кропотливый. Любить по большому счету, по крайнему пределу, по высшей мере – тяжело. Истинно любящих порою принимают за сумасшедших. Сумасшествие – обратная сторона таланта, тень одиночества. Сумасшествие – бунт разума, болезнь перетрудившейся, усталой души. Скоморохи, юродивые, шуты – традиционно из когорты сумасшедших. Рок-н-ролл – славное язычество. Звенели бубенцы. Душа гуляла, душа летела...

Очень естественно, слушая антологию в хронологическом, как и выстроена, порядке, пытаться отследить временно-логические связи и, к примеру, услышать в первом из концертов юношескую веселость, а в последнем (действительно последнем, 29.1.1988) – пророческую мрачную обреченность. Но все не так, и слушатели встречают «Слет-Симпозиум» теми же взрывами хохота, что и в 85-м, и ничего в этом нет кощунственного – смешная же песня! Меняется подача, но не от года к году, а от настроения: «От Винта» поется то медитативно, плавно, то очень жестко и быстро, а то в виде англоязычной «рыбы»; «Грибоедовский Вальс» лишается театрального «вхождения в роль», из комического становясь фантасмагорическим; не меняется щемящая откровенность «Влажного Блеска наших Глаз»; психоделически страшна «Егоркина Былина», «непесня», да и не былина, наверно – эпос... Игра становится разнообразнее, увереннее, четче – это заметно. Но совершенно невозможно и не хочется заниматься анализом. Что хотел – то спел и сказал, то и осталось. «Если я брошу зерно, и оно даст всходы, я считаю, что прожил не зря».

Хочется услышать все. Хочется плакать. Хочется немедленно что-то сделать. Ничто не проходит бесследно.

Не бойся огня
Ведь если сгорим,
Значит, снова воскреснем.

Екатерина БОРИСОВА
FUZZ №4/1999